
Р. И. ШАФИГУЛИН, М. И. РАХИМОВА

КАННИБАЛИЗМ И ОТНОШЕНИЕ К НЕКРОФАГИИ У ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА*

В предлагаемой статье рассматриваются тема каннибализма (поедания своих сородичей) и отношение к некрофагии (поеданию мертвецов).

Почему каннибализм, в отличие от рыб и насекомых, не развит у высших организмов – животных? Почему поедание своих сородичей является редкой, исключительной мерой?

*Насколько человеческое общество отличается от животного мира в этом аспекте, и как происходили перемены в отношении к поеданию своих сородичей у *Homo sapiens*? Когда у человечества появилось табу на поедание человеческого мяса? Рассматриваются исследования о каннибализме в животном мире, в различных человеческих обществах: охотников-собирателей, земледельцев неолита, цивилизаций бронзового и железного века.*

Ключевые слова: *насекомые, животные, неолит, бронзовый век, *Homo sapiens*, ритуальный каннибализм, эндоканнибализм, экзоканнибализм, медицинский каннибализм.*

Каннибализм в животном мире

Каннибализм широко распространен среди насекомых (Liske, Davis 1987; Elgar 1992).

Материнский каннибализм, проявляющийся в поедании самкой своих детенышей во время рождения или же в то время, когда личинки вскарабкиваются к ней на спину, встречается у некоторых скорпионов. Мучной жук (*Tribolium castaneum*) может поедать яйца своего вида при высокой численности популяции (Ho, Dawson 1966). И не только он. Многие животные охраняют определенные

* **Для цитирования:** Шафигулин, Р. И., Рахимова, М. И. 2024. Каннибализм и отношение к некрофагии у человеческого общества. *История и современность* 4: 49–78. DOI: 10.30884/iis/2024.04.04.

For citation: Shafigulin, R. I., Rakhimova, M. I. 2024. Cannibalism and Attitudes to Necrophagy in Human Society. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 49–78 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.04.

История и современность, № 4, декабрь 2024 49–78

DOI: 10.30884/iis/2024.04.04

территории, в пределах которых они нетерпимы к присутствию представителей того же вида (конспецификов). Теснота увеличивает частоту, с которой отдельные особи нарушают пространство себе подобных. Каннибализм может способствовать снижению частоты нарушений границ чужих территорий, а также сокращать перенаселенность и плотность.

Многие общественные насекомые (особенно в молодых колониях) поедают часть яиц своего выводка в качестве дополнения к белку в рационе. Исследования показали, что поедание личинок своего же вида может давать репродуктивное преимущество, так как особи-каннибалы дают большее количество потомства, чем особи, которые не являются каннибалами (Aisenberg *et al.* 2011).

Но с другой стороны, каннибалы, будь то микробы или сложные организмы, поедая свое потомство или братьев, сестер и более дальних родственников, тем самым удаляют свои гены из популяции, снижая таким образом свой эволюционный успех, что приводит к уменьшению численности всех генетически связанных родственников данного вида. И наоборот, эволюционный успех благоприятствует тем группам, где развито альтруистическое социальное поведение, где жертвуют собой ради всей популяции, тем самым давая шанс выжить не только своим прямым потомкам, но и всем родственникам, то есть сохранить гены вида. Тем не менее в мире животных наблюдается много случаев каннибализма. Многие беспозвоночные видят в особях своего вида просто пищу. Каннибализм сильно развит внутри таких групп беспозвоночных, как моллюски, пауки и скорпионы. Тысячи водных беспозвоночных, таких как моллюски и кораллы, имеют крошечные планктонные яйца и личинки, и они часто являются основным источником пищи для взрослых особей, питающихся с помощью фильтрации. Поскольку планктонные формы часто принадлежат к тому же виду, что и взрослые особи, это по определению делает форму фильтрообразного питания неизбирательным каннибализмом. Черные пауки-амауробииды (*Amaurobius ferox*) также занимаются каннибализмом. На следующий день после того, как у них вылупляются паучата, матери раздают своим голодным детенышам собственные или чужие кладки трофических яиц. Трофические яйца откладываются специально для пропитания потомства. Они чаще всего не оплодотворены, хотя внешне не отличаются от обычных. Трофическими яйцами молодое потомство кормят в течение трех дней, после чего паучатам требуется другая пища. Но они слишком велики,

и мать не всегда в состоянии обеспечить им должное количество пропитания. В крайнем акте родительской заботы она зовет детенышей к себе, барабаня по их паутине, и прижимается всем телом к собирающейся толпе. Голодные паучата съедают ее живьем, высасывая телесные жидкости и оставляя после себя похожий на шелуху труп (Elgar, Nash 1988; Forster 1992; Kim, Roland 2000).

У некоторых видов улиток детеныши-каннибалы превращаются во взрослых вегетарианцев (Baur 1987). Тест на пищевые предпочтения показал, что только что родившиеся детеныши травоядной улитки питаются исключительно яйцами своего собственного вида (даже когда им предлагают салат); четырехдневные особи употребляют равное количество яиц и салата; а 16-дневные отдают предпочтение овощам. Улитки старше четырех недель при отсутствии салата умирали от голода, хотя им предлагали яйца. Причина такого постепенного перехода к полному вегетарианству, по-видимому, заключается в том, что эти улитки, как и другие травоядные (от термитов до коров), нуждаются в кишечнике, полном симбиотических бактерий, прежде чем они смогут переваривать растительный материал.

Каннибализм встречается также у всех позвоночных, начиная с рыб и заканчивая млекопитающими. Случаи, когда родители съедают свое потомство, были отмечены у грызунов, таких как полевки, мыши и древесные крысы, у кроликов, а также землероек, кротов и ежей. Правда, чаще всего это происходит в целях сокращения размера помета в периоды, когда еды не хватает. Самки поедают своих детенышей и в тех случаях, когда размер помета превышает количество доступных сосков или когда они деформированы, слабы.

Каннибализм весьма часто встречается у рыб (FitzGerald, Whoriskey 1992: 251). Это объясняется тем, что группа в целом имеет больше общего с беспозвоночными, чем с другими классами позвоночных: рептилиями, птицами и млекопитающими. А для беспозвоночных, как уже говорилось, каннибализм является скорее правилом, чем исключением. Поэтому и схожие с ними рыбы производят такое количество икры, которое заведомо рассчитано не только на выживание, но и на то, что большая часть будущего потомства будет съедена. Самка атлантической трески (*Gadus morhua*) производит от 4 до 10 млн яиц за один нерест. А океанская рыба-луна (*Mola mola*) может произвести 300 млн яиц за один нерест – рекорд среди позвоночных. Такое обилие яиц делает их важной составляющей рациона прежде всего представителей соб-

ственного вида. Есть также предположение, что рыбы в еде не брезгают и своим молодняком, в отличие от других позвоночных. Если детеныши наземных позвоночных сравнительно крупны, то рыбы икринки, личинки и мальки обладают маленькими размерами. Так, взрослая треска по размерам примерно в миллион раз больше, чем ее яйца. Поскольку икринки имеют высокую питательную ценность, они становятся особенно желанной добычей. А их огромное количество исключает опасность снижения популяции даже при том, что большая часть потомства будет использована в качестве пищи для родителей. У некоторых рыб, например щуки, более мелкие особи ее собственного вида составляют около 20 % рациона. Поэтому ихтиологи считают исключением из правил отсутствие каннибализма у рыб, а не его наличие.

Еще одно любопытное наблюдение. Самки рыб, в отличие от самок наземных животных, крайне редко проявляют родительскую заботу о потомстве. Матери наземных позвоночных кормят своих детенышей, защищают выводок и обучают его добывать себе пищу. Самки рыб в основном считают свой долг выполненным сразу после нереста. Происходит это потому, что они теряют огромное количество энергии, производя яйца, и не могут позволить себе тратить много энергии на уход за ними (FitzGerald, Whoriskey 1992).

Поскольку икра и мальки большинства видов рыб обитают в опасных условиях, где присутствует большое число потенциальных хищников, включая родственников, охрану потомства и заботу о нем берут на себя самцы. Они охраняют места яйцекладки, а затем и мальков. В данном случае родительская забота действительно имеет место, но самцы часто во время своего «бебиситтерства» компенсируют затраченные усилия тем, что съедают часть (частичный сыновний каннибализм), а иногда и все икринки. Объясняется это просто. Если самец хоть на время покинет яйцекладку в поисках пропитания, на беззащитные икринки тут же нападут другие рыбы, и прежде всего родственные самцы. Более добросовестные родители вынуждены в некоторой степени голодать. Но такая практика ухудшает их общее физическое состояние и, следовательно, снижает вероятность будущего репродуктивного успеха. Потребляя часть своего выводка, самцы увеличивают шансы на выживание и, соответственно, на производство нового потомства в будущем. Например, самцы бычков-бубырей (*Pomatoschistus minutus*)

в условиях повышенной опасности частично, а то и полностью съедают собственный выводок.

Кроме того, следует учитывать, что самцы вкладывают в производство выводка гораздо меньше энергии, чем самки. Производство сперматозоидов энергетически менее затратно, чем усилия самок, которым приходится носить брюшко, полное яйцеклеток. Таким образом, родительские инвестиции в потомство у рыб-самцов и рыб-самок неравнозначны, и самцы недостаточно высоко ценят свое потомство (Gilmore *et al.* 1983).

Но среди рыб есть виды, защищающие свое потомство различными способами. Так, африканские цихлиды после нереста забирают икринки в рот и вынашивают их до тех пор, пока из икринок не вылупятся мальки. Более того, и после появления мальков цихлиды, завидев опасность, широко открывают рот, и мальки быстро заплывают в ротовую полость – надежное убежище от хищников. Но вынашивать икру и голодать все это время невозможно, так же как и есть обычную еду, неся полный рот яиц. Цихлиды и другие рыбы, носящие во рту икринки, обходят это досадное обстоятельство самым простым способом – съедая часть своего потомства. Правда, голодные самки стараются избирательно потреблять только неоплодотворенные яйца, но делать это с наполненным ртом достаточно сложно, и примерно 15 % оплодотворенных икринок становятся жертвами каннибализма. В ходе наблюдений было замечено, что если в период вынашивания икринок выводок из-за каннибализма сильно уменьшится в размерах и составит примерно 20 % от первоначального, самки прекращают вынашивание икринок и съедают остаток полностью. Выращивать всего 20 % от выводка непродуктивно, так как затраты на уход за ними требуются такие же, как и за полноценным выводком. Самка уже потеряла много энергии, вынашивая икринки, и восстанавливает эти энергозатраты, плотно закусив оставшейся частью потомства, после чего отправляется на поиски нового партнера в попытке все же произвести полноценный выводок.

Каннибализм встречается также у многих видов змей, ящериц, крокодилов и американских аллигаторов (*Alligator mississippiensis*) (Delany *et al.* 2011). И здесь также родители и их родственники употребляют в пищу свой молодняк. Правда, рептилии, в отличие от рыб и амфибий, не знают личиночной стадии, их зародыши проходят все стадии развития непосредственно внутри яйца (Polis, Myers 1985; Pfennig *et al.* 1994). Яйцевую оболочку покидают вполне

зрелые особи, только маленькие по размерам. Это обстоятельство и делает их возможной добычей для родни (Pfennig 1992, 1990).

А вот среди птиц каннибализм редок, хотя они также откладывают яйца (Mock 1984). Но производство потомства у птиц требует куда больше родительской заботы. Самки высиживают птенцов, покидая гнездо на самый короткий срок, чтобы подкрепиться, число яиц, как правило, невелико, и родители дорожат птенцами, тратя все силы на обеспечение их пищей и защищая от внешних врагов, в качестве которых выступают мелкие хищники и хищные птицы. Но сами родители и их родственники птичье потомство, как правило, не трогают. Тем не менее гетероканнибализм (при котором съедают не своих детей и не детей прямых своих родственников) был зарегистрирован в семи из 142 птичьих семейств. Например, в колонии серебристых чаек (*Larus argentatus*) наблюдались набеги на соседние гнезда. Чайки воровали друг у друга яйца и съедали их. Примерно четверть яиц и птенцов стали жертвами каннибализма (Parsons 1971).

Братский каннибализм, при котором братья и сестры съедают более слабых, встречается среди хищных птиц. Птенцы орла, ястреба, пустельги и совы поступают так иногда при недостатке корма. Такая же трагедия происходит время от времени в семействе белой цапли (*Leucophox thula*). Обычно она откладывает три яйца. Но если первые два получают серьезную дозу гормонов еще в теле матери, то третьему яйцу достается только половина. В результате последнему птенцу недостает агрессивности. В любом случае его ждет печальная участь. Если пищи много, то более крупные братья и сестры просто выбрасывают его из гнезда. Но если цапля не может прокормить потомство из-за отсутствия альтернативных источников питания, более агрессивные птенцы спокойно убивают не умеющего сопротивляться брата и съедают его. Безусловно, каннибализм у птиц имеет явную связь с нехваткой пищи. Но есть предположение, что, несмотря на свою жестокость, он не лишен и рационального зерна. По крайней мере, поедание умирающего или уже умершего и разлагающегося птенца может предотвратить заражение здоровых и не допустить ухудшения состояния всей кладки. По-видимому, есть определенные положительные стороны и в избавлении от мертвых цыплят (такие случаи также наблюдаются), прежде чем они привлекут к себе массу падальщиков – мух и личинок. Большинство видов муравьев также поедают своих павших со-

братьев, предотвращая тем самым их разложение и возможное заражение муравейника.

Хотя птичий каннибализм – относительно редкое явление в дикой природе, на птицефабриках ситуация иная. Когда тысячи птиц лишены основного занятия – поиска корма – и мало чем могут занять свое время, в них просыпается агрессивность. Они начинают клевать более слабую особь или набрасываются на птицу, поранившую себе ногу, и начинают расклевывать ранку. В стае может начаться междоусобный расклев перьев вплоть до появления крови. При этом на одну курицу может напасть целая стая, и драка может перерасти в каннибализм. Считалось, что каннибализм на птицефабриках происходит из-за дефицита белка в рационе. Но сейчас исследователи пришли к выводу, что он случается из-за плохих условий содержания, в частности тесноты, несбалансированного питания и других факторов. В таких условиях курица становится злобной и может причинить много вреда другим.

На птицефабриках расклев становится настоящим бедствием. Понятно, что птицеводы прикладывают серьезные усилия в поисках решения этой проблемы. Один из вариантов такого решения – дебикирование. Процедура заключается в том, что клюв птицы немного подрезают таким образом, чтобы это не мешало ей принимать пищу и в то же время она не могла расклевывать подруг. Способ может показаться жестоким, но он достаточно эффективен. При нем действительно повышается сохранность поголовья. Но есть и другой способ, который на первый взгляд может показаться анекдотичным: на кур можно надеть очки. Правда, не простые, а с красным светофильтром. Дело в том, что в свое время американские фермеры заметили: при красном освещении на фермах расклев резко сокращается. Но значительное количество высокочастотного ультрафиолета красных светодиодных ламп не позволяет пользоваться ими непрерывно без ущерба для здоровья птицы. А красные очки в этом плане безопасны (Trudelle-Schwarz 2016).

Такая же ситуация наблюдается и у золотистых хомячков (*Mesocricetus auratus*). Каннибализм проявляется у них, если животное попадает в стесненные условия. Естественная среда обитания золотистого хомяка – пустыня и полупустыня. Живут хомяки в глубоких норах и выходят на поверхность на очень короткое время на рассвете и в сумерках для кормежки. В течение суток они проводят на поверхности в среднем 87 минут, то есть немногим более часа, а все остальное время находятся под землей. В зоомагазинах золо-

тистых хомячков часто содержат неправильно. Чтобы привлечь внимание покупателей, их помещают в хорошо освещенные аквариумы, причем, в целях экономии помещения, – неестественно большими группами. То есть хомяки находятся в состоянии постоянного стресса. Результат печальный – самки золотистых хомячков, особенно молодые, часто поедают своих детенышей.

Мыши, крысы, морские свинки и даже кролики также иногда поедают своих детенышей в неволе (в основном при нехватке пищи и воды) (Elwood 1992; Stanback, Koenig 1992). Но у золотистых хомячков каннибализм проявляется не только в отношении потомства. Если несколько взрослых хомячков содержатся в одной клетке, они начинают вести себя агрессивно по отношению друг к другу, даже если это братья и сестры. Во время драк более слабые особи нередко получают серьезные травмы, а иногда выяснение отношений завершается смертельным исходом для одного из зверьков, причем победитель съедает убитого.

И все же каннибализм скорее противоестественное явление, а не норма. В настоящее время только 75 видов млекопитающих – из примерно 5700! – в той или иной форме подвержены каннибализму (Elgar, Crespi 1992). Хотя не исключено, что тема эта просто недостаточно изучена, и при дальнейших исследованиях может выясниться, что число животных-каннибалов выше.

В настоящее время установлено, что каннибализмом способны заниматься по меньшей мере 14 видов плотоядных. Пумы (*Puma concolor*), рыси (*Lynx lynx*), леопарды (*Panthera pardus*) и морские львы (*Phocarctos hookeri*), к примеру, прибегают к нему в случаях недостатка пищи, с целью устранения соперников в борьбе за самку, а также для увеличения возможностей спаривания. Самцы львов (*Panthera leo*), захватив прайд, чаще всего съедают детенышей, которых произвел другой самец. По-видимому, в этом проявляется репродуктивная стратегия победителя (Fox 1975; Polis 1981).

Произведя потомство, львицы занимаются им в течение полутора лет, пока детеныши не обретут минимальную самостоятельность. Все это время самки не способны к новому зачатию. Но если по каким-то причинам львица теряет малышей, то становится сексуально восприимчивой почти сразу. Стремление к продолжению рода побуждает самцов искусственно ускорить этот процесс. Они убивают детенышей, после чего спариваются и производят новое потомство (Bertram 1975).

Большинство североамериканских медведей часто убивают и едят медвежат конспецификов примерно по тем же причинам, что и львы – львят. К этому склоняются исследователи, полагающие, что детоубийство во время брачного сезона может обеспечить самцам репродуктивную возможность, а также пищевую награду. Самки белых медведей также быстрее вступают в период половой активности в случае потери потомства (Grigoras 2011; Walton 2008).

У приматов в сравнении с другими группами млекопитающих каннибализм встречается сравнительно редко. По крайней мере, он зафиксирован только у 11 из 418 существующих видов. При этом детоубийство и/или каннибализм, как правило, были связаны со стрессом – перенаселенностью, неестественными обстоятельствами (к примеру, в случае перевода группы макак-резусов на новый остров) и неудовлетворительными условиями содержания в неволе. Животные начинали вести себя агрессивно, причем в каждом случае жертвами неизменно становились новорожденные, а агрессорами выступали не просто члены группы, а прямые родственники, в том числе братья и сестры. В местах, где содержатся колонии племенных приматов, это стало настоящим бедствием, и чтобы предотвратить уничтожение потомства, беременных самок незадолго до родов стали отсаживать в отдельные клетки. Это сразу дало положительный результат.

Но существует группа приматов, в которой детоубийство и каннибализм не являются следствием неблагоприятных обстоятельств, а представляют собой достаточно распространенную практику. Обыкновенные шимпанзе (*Pan troglodytes*) – наши ближайшие родственники среди приматов. Последнее обстоятельство может удивить и шокировать, но только с позиций наших сегодняшних взглядов. Однако нельзя не признать, что *Homo sapiens* за период своего существования и развития ушли куда дальше родственных-приматов (Fernández-Jalvo *et al.* 1999). Хладнокровные убийства, изощренные по своей фантазии случаи каннибализма наряду с многочисленными и бессмысленными жертвоприношениями на протяжении всей истории и даже в современное время (об этом мы поговорим ниже) настолько впечатляющи, что на их фоне поведение шимпанзе может показаться более чем гуманным. Ведь даже в XX в., во время Второй мировой войны, каннибализм среди современных и цивилизованных людей был отнюдь не единичным явлением. Самым известным эпизодом того времени стал случай на острове Титидзима (Hearn 2003), когда японский генерал-лейтенант

Есио Тачибана (立花芳夫) приказал своим солдатам казнить группу сбитых американских летчиков, захваченных в плен. Солдаты голодали, поскольку на остров долгое время не доставлялось продовольствие. Санитары получили приказ вырезать из тел убитых печень, приготовить и подать старшему офицерскому персоналу. Остальное досталось рядовым. После окончания войны Тачибана и еще несколько человек были арестованы и подверглись суду. Но каннибализм не был включен в список военных преступлений, и арестованные фактически были осуждены и повешены лишь за то, что плохо обращались с военнопленными. А погребению с воинскими почестями погибших летчиков помешало то обстоятельство, что хоронить было нечего – убитых съели генерал и его люди. Позже выяснилось, что американская подводная лодка нашла одного из девяти сбитых летчиков и тем самым спасла его от участи быть съеденным голодающими японцами. Счастливчиком оказался 20-летний лейтенант Дж. Буш-старший (в будущем 41-й президент США) (Hearn 2003; Laurence 2003).

Но вернемся к приматам. Взрослые самцы шимпанзе довольно часто убивают детенышей «чужаков» – то есть малышей, принадлежащих самкам из посторонних групп. Здесь причина каннибализма ясна – забота о сохранении своей территории. Еще одна из причин такого поведения – недостаточное количество самок в своей группе. В этом случае самцы убивают чужих детенышей, поскольку самки с прерванным периодом кормления быстрее переходят к половой активности и самец-убийца получает возможность спариться и зачать своего детеныша. Нападение самцов шимпанзе на детородных самок происходит также во время «межобщинной агрессии», когда группы самцов шимпанзе, патрулирующие внешние границы своих территорий, сталкиваются с особями из соседних сообществ (Schutt 2017).

До сих пор мы говорили о каннибализме самцов. Но иногда им занимаются и матери. И это несмотря на то, что они затрачивают много энергии и времени на выращивание детей и, безусловно, дорожат ими. Детоубийство и поедание детенышей самками можно рассматривать как патологическое, представляющее собой отклонение от нормы. Однако существует объяснение некоторых случаев детоубийства среди самок, которое, как представляется, заслуживает внимания, несмотря на отсутствие экспериментальных данных.

Как это ни странно, детоубийство и каннибализм являются иногда формой защиты от болезней, в частности для защиты помета от инфекционного кишечного или респираторного заболевания, если один из детенышей заболевает. Хотя новорожденные животные в основном устойчивы к условно-патогенным микроорганизмам благодаря материнским антителам, проходящим через молочные железы, иногда животное может приобрести патоген из окружающей среды, если оно не получает достаточного количества материнских защитных средств или страдает от недостаточной генетически приобретенной устойчивости к воздействию различных неблагоприятных факторов. В этом случае новорожденный может выступать в качестве резервуара для размножения патогена, что представляет опасность для остального выводка. Мать замечает ранние признаки болезни ребенка и избавляется от него, чтобы спасти остальных. Прямых экспериментальных данных, подтверждающих эту точку зрения на материнский каннибализм, как уже говорилось, не существует, но ветеринары, лабораторные исследователи и селекционеры давно признали, что именно больные или деформированные от рождения младенцы наиболее часто становятся жертвами каннибализма (Hart B. L., Hart L. A. 1985; Harkness, Wagner 1995).

Но в животном мире присутствует и обратная поведенческая норма – запрет на каннибализм. Некоторые плотоядные и всеядные животные, включая крыс, проявляют нежелание питаться тушами мертвых особей своего биологического вида, даже если они очень голодны (Fox 1975). Голодные крысы, отказывающиеся есть своих мертвых собратьев, охотно делают это, если с мертвых крыс снимают шкурку (Carr *et al.* 1979: 899–906). Объяснение такому поведению видится в том, что животное, которое не было убито в бою или более сильным хищником, вполне вероятно, умерло от болезни, и поедание его небезопасно. Если же крысам предлагается мясо сородича без шкурки, они просто не знают, какой смертью он погиб, и не проявляют необходимой осторожности. Замечено, что львы и гиены также не едят сородичей, внезапно умерших своей смертью, но иногда могут съесть собрата, если сами его убили. Видимо, убитый сородич в их представлении вряд ли был болен инфекционным заболеванием; по крайней мере, шансов оказаться больным гораздо больше у того, кто умер своей смертью (Packer, Pusey 1984). Заболевания желудочно-кишечного тракта, а также системные заболевания (то есть болезни, затрагивающие весь организм) могут быть приобретены через патогенные микроорганизмы

или токсические продукты. Можно указать по крайней мере на два описанных поведенческих механизма, с помощью которых животные избегают подобных заболеваний. Это табу на каннибализм и обусловленные пищевые отвращения. Под последним термином имеется в виду реакция на определенные вкусовые свойства, напоминающие о тех, что ранее вызвали болезнь.

Каннибализм у *Homo sapiens*

Итальянский историк и священнослужитель П. М. Вермилли (1457–1526), никогда не бывавший в Америке, тем не менее очень интересовался ею и собирал материалы о Новом Свете. Его книга, которая так и называется “*De Orbe Novo*” («О Новом Свете»), была опубликована в 1530 г. и представляет собой эпическое полотно первых восьми десятилетий испанского владычества в Вест-Индии. Он собирал документы и отчеты первооткрывателей, а также лично беседовал с ними, внимательно изучил письма Х. Колумба и его доклады, тем самым проделав выдающуюся исследовательскую работу, делающую его книгу и сегодня интересной для историков (Marlar *et al.* 2000).

В ту часть книги, где подробно описаны путешествия Х. Колумба, автор включил раздел о печально известной хижине каннибалов. Он написан со слов спутника мореплавателя испанского врача Д. А. Чансы (America Journeys Collection, Doc No AJ-065). Во время второго путешествия Х. Колумба П. М. Вермилли вновь пересказал историю, рассказанную Д. А. Чансой, однако, похоже, прибавив кое-что от себя и явно сгустив краски. Вместо одной хижины, о которой говорил врач, возникло уже несколько жилищ, где в котлах варились гуси вперемешку с кусками человеческого мяса. Куски человеческих тел были также прикреплены к вертелам, готовые к жарке. Обыскав еще один дом, испанцы нашли кости человеческих рук и ног. Каннибалы хранили их для изготовления наконечников стрел (железо, бронзу и медь они еще не изобрели). Все остальные кости, после того как мясо было съедено, выбрасывались. В ходе обыска испанцы обнаружили недавно отрубленную голову молодого человека, все еще мокрую от крови.

До сих пор ведутся споры: действительно ли существовал на Карибских островах каннибализм в то время, когда на них прибыл Х. Колумб? Английский антрополог Н. Уайтхед полагает, что, хотя многие сообщения об этом являются «пропагандой колониальной империи», все же есть несколько причин, позволяющих думать, что

жители островов Карибского бассейна (как, впрочем, и другие индейские группы) прибегали к ритуальному каннибализму. Н. Уайтхед обосновывает это тем, что о людоедстве на Карибах свидетельствовали не только Колумб и его люди, такая же информация поступала и из других источников. В частности, по словам испанских конкистадоров, карибские индейцы сделали каннибализм частью погребальных ритуалов. Он был также распространен в обращении с врагами при захвате человеческих трофеев во время битвы. Ритуальный каннибализм был распространен и среди индейских племен, населявших северную часть Бразилии, таких как араваки и тупинамба.

В XVII в. испанский свидетель Хасинто де Карвахаль писал: «Обычной пищей племен на Карибских островах была маниока, рыба или дичь... Они едят и человеческую плоть, когда воюют, но делают это в знак победы, а не для утоления голода» (de Carvajal 1892).

Антропологи делят ритуализированный каннибализм на две формы: экзоканнибализм и эндоканнибализм. Экзоканнибализм (от греч. «извне») относится к потреблению индивидов, не относящихся к собственной общине или социальной группе, в то время как эндоканнибализм (от греч. «внутри») определяется как ритуальное потребление умерших членов своей семьи, общины или социальной группы.

Что касается экзоканнибализма, то в ряде исторических источников действительно утверждается, что карибы поедали своих врагов, как убитых в бою, так и взятых в плен или захваченных во время набегов. Считалось, что при этом положительные качества врагов, такие как сила, мужество, переходят от умерших к живым (Schutt 2017).

Кроме того, широкое распространение повсюду получила практика поедания человеческой плоти как акт мести. По-видимому, победители испытывали огромное удовлетворение, поедая поверженного врага. В Африке, особенно в южной ее части, среди племен алленга и фанг в Габоне, как и в Меланезии, победители также съедали тело врага. Считалось, что при этом они навсегда избавлялись от его призрака, который в противном случае мог бы постоянно возвращаться в деревню и даже, возможно, мстить оставшимся в живых врагам (Каневский 2014).

В некоторых случаях каннибализм превращался в мучительную пытку: еще живого врага не спеша расчленяли, отсекая ему то ногу,

то руку, которые тут же, на глазах содрогающейся жертвы, жарили на огне и съедали. Считалось, что это проявление самого глубокого презрения к поверженному противнику. Племя батаков практиковало каннибализм как вид самого сурового наказания внутри сообщества. Оно назначалось за такие преступления, как измена или прелюбодеяние с женой вождя. До начала ужасной трапезы близкие родственники преступника должны были принести достаточное количество соли и извести, требующихся для обработки тела жертвы. Присутствие родных преступника на церемонии было обязательным. По-видимому, это позволяло избежать вражды между семьями пострадавшего и преступника (Талалай С., Талалай Я. 1998).

В другие времена и в других местах экзоканнибализм использовался для того, чтобы запугать врага и одновременно накормить голодных, поскольку племя испытывало недостаток пищи. Причем подобные вещи происходили в достаточно близкое к нам время. В 1960-х гг. антрополог П. Кластер, живший в Парагвае, утверждал, что одна из четырех групп, которые он изучал, съела своих врагов. Аналогичные заявления были сделаны и о племени тупинамба в восточной Бразилии. Наиболее точные сведения о южно-американских каннибалах современники получили от немецкого моряка Г. Штадена, дважды побывавшего в составе испанской и португальской экспедиций конкистадоров. Во время второго путешествия судно, на котором находились члены экспедиции, потерпело кораблекрушение, и Штаден попал в плен к индейцам. В плену он провел год, после чего сумел сбежать и после возвращения в Европу опубликовал в 1557 г. повесть о своих приключениях «Достоверная история и описание страны диких, голых, суровых людей-людоедов Нового Света Америки» (*Warhaftige Historia und Beschreibung einer Landschaft der Wilden Nacketen, Grimmigen Menschfresser-Leuthen in der Newenwelt America gelegen*). Г. Штаден подробно описал жизнь и быт племени тупинамба (тупи), их набеги на недружественных индейцев, которые заканчивались кровавой трапезой: победители убивали и ели всех, кого они захватывали. При этом тупи соединяли каннибализм с обрядом жертвоприношения. В назначенный день связанного пленника выволакивали на деревенскую площадь. Здесь путы с него снимали, и начиналась смертельная игра: пленника окружали женщины, которые всячески оскорбляли его и издевались над ним. Жертве разрешалось оборо-

няться. Плененный кидал в них фрукты и черепки от глиняной посуды, но судьба его была предрешена: старухи, раскрашенные черно-красными полосами, с ожерельями из человеческих зубов на шее, уже притаскивали на площадь украшенные орнаментом глиняные горшки, в которых будут сварены кровь жертвы и ее внутренности. Тут инициатива переходила к мужчинам. Церемониальная дубинка, которая использовалась для убийства, переходила у них из рук в руки, чтобы «наделить силой и помочь поймать в будущем еще не одного пленника». Пленнику наносились удар за ударом. Правда, он получал определенную свободу передвижений по ограниченному пространству, чтобы уклоняться от ударов, более того, иногда и ему давали дубинку, чтобы обороняться, но это было лишь продолжением «игры» – вырваться за пределы смертельного круга пленник не мог, и какую бы ловкость и находчивость ни проявил, рассчитывать на помилование ему не приходилось. Когда же силы несчастного иссякали и он уже не мог сопротивляться, ему наконец раскраивали череп, что сопровождалось радостными криками и свистом. Если у пленника до казни была жена из местных, то она должна была проливать слезы над убитым, но потом все равно присоединиться ко всеобщему торжеству. Очень безобразно выглядели старухи племени, отталкивавшие друг друга, чтобы быстрее добраться до мертвого и напиться его теплой крови. Детей заставляли погружать в кровь руки. Матери смазывали кровью соски (Каневский 2014).

Ритуальный канниализм

Меланезийцы (те социальные группы, которые жили на Фиджи, Соломоновых островах, Вануату и Папуа – Новой Гвинее) практиковали канниализм как часть погребального обряда. В частности, перед захоронением из тел умерших вырезались небольшие лакомые (с точки зрения соплеменников) кусочки, которые поедались родственниками. Глубоко в тропических лесах Западной Амазонии живет индейское племя вари. Антрополог Б. Конклин, изучавшая его быт и обычаи, сообщила, что до 1960-х гг. вари потребляли человеческую плоть, а также костную муку, смешанную с медом. Проведя обширные интервью со старейшинами вари, она пришла к выводу: индейцы этого племени остро осознают, что длительное горе затрудняет скорбящим жизнь. Поскольку труп – самое силь-

ное напоминание о несчастье, от него избавляются таким образом. При этом погребение в землю вари считали особенно отталкивающим, находя землю холодной, влажной и грязной. Они полагали, что оставлять тело любимого человека гнить в грязи неуважительно и унижительно для мертвых и душераздирающе для тех, кто оплакивал их (Conklin 2001).

Народ форе обитает на территории Восточного нагорья Папуа – Новой Гвинеи. Традицию ритуального каннибализма здесь чтили, так как считали, что лучше быть съеденным своими близкими, чем червями и личинками, и, кроме того, видели в каннибализме устойчивую форму выражения любви к умершему и скорби в связи с его смертью. Более того, жутковатая трапеза, по убеждению форе, должна обеспечить благополучный проход усопших в квеланандамунди – Страну мертвых. Ритуал каннибализма был тщательно продуманным. Тело умершего укладывали на покров из съедобных листьев таким образом, чтобы он не касался земли, так как подобное было бы неуважением к нему. Тело разрезали бамбуковым ножом на части, которые обрабатывались затем несколькими женщинами, доводившимися умершему родственницами. Чаще всего это были дочери и невестки покойного. Они разрезали большие куски мяса на более мелкие полоски, которые укладывались в бамбуковые сосуды вместе с листьями папоротника и варились на костре. Следующая часть ритуала считалась особенно важной. Самые старые женщины окружали тело сплошной стеной, чтобы молодые женщины и дети не видели, как удаляются кишки и гениталии. Эти органы вручались вдове, если таковая имелась. Как только мясо было готово, воду из бамбуковых сосудов вычерпывали, а мясо выкладывали на общие тарелки, сделанные из листьев. В погребальной трапезе участвовали родственники покойного и их дети. Голова покойного также была частью трапезы. Ее сначала варили, чтобы удалить волосы, затем череп раскалывали каменным топором, а мозг удаляли. Полужелатиновую ткань, считавшуюся деликатесом, смешивали с папоротником, варили и также съедали. Кости прокалывали на огне, что облегчало дальнейшее измельчение их в порошок, который смешивали с травой и нагревали в бамбуковых трубках. Согласно сведениям, полученным от английского исследователя-нейробиолога Дж. Уитфилда, племя форе съедало все, вклю-

чая репродуктивные органы умершего и фекалии, выскобленные из кишечника (Collinge *et al.* 2008; Schutt 2017).

В других местах останки кремации смешивали с супом для живых родственников. Так, антрополог Н. Шаньон рассказывает о традиционном обычае каннибализма среди индейских племен яномамо, живущих в лесных районах на севере Бразилии и юге Венесуэлы. Сначала тело кремируют на деревенской поляне, причем дым погребального костра считается опасным для живых. Поэтому детей и больных стараются удалить из деревни на время ритуала. Оставшийся после кремации пепел «торжественно просеивают» и хранят в тыкве, а несгоревшие кости и зубы помещают в специальное полое бревно, в котором размалывают в тончайший порошок. Затем туда вливается отвар подорожника, который «торжественно выпивается», в то время как собравшиеся «громко и отчаянно скорбят, выдирая руками волосы и обильно плача». Пепел в тыквах хранится для новой церемонии, когда соберется большее число родственников. Его также разводят отваром подорожника, и этот своего рода суп дружно поглощается. Детский пепел, как правило, небольшой по объему, после разведения отваром подорожника пьется только родителями (Chagnon 1992).

Геродот сообщал, что в некоторых регионах варварских земель умерших стариков не хоронили и не кремировали – их просто съедали любящие родственники. Причины такого странного захоронения были разными. Съедение трупа обычно считалось проявлением симпатии к усопшему, и было широко распространено поверье, что участники людоедской трапезы унаследуют все положительные качества умершего.

Обычай поедания тел усопших родственников был широко распространен также среди индейского племени калатиан. Члены племени диери в Центральной Австралии также занимались каннибализмом, но в несколько ограниченном виде: они съедали только жир мертвеца, снимая его с некоторых частей тела. Правда, они срезали еще плоть с лица, живота и некоторых суставов умершего, считая, что именно через эти части тела передается сила его души (Талалай С., Талалай Я. 1998).

Члены отдельных африканских и австралийских племен поедают своих умерших родственников, считая это самым хорошим способом захоронения. Целая группа племен на севере Тихоокеанско-

го побережья занималась каннибализмом во время тщательно разработанных церемоний, призванных установить добрые отношения с богами. Так, племя овимбунду, жившее в Юго-Западной Африке, устраивало людоедское пиршество, чтобы задобрить богов и обеспечить тем самым удачу каравану, отправляющемуся в дальний путь (Каневский 2014).

Каннибализм был редкостью и вовсе не являлся мотивом для убийства среди обществ охотников-собирателей аборигенной Австралии. Аборигены в целом ненавидели тех, кто употребляет человеческое мясо. Часто группа аборигенов называла своих врагов каннибалами. Во многих мифах рассказывалось о злых духах, которые убивали людей ради еды. А вот на островах Новой Зеландии и Новой Гвинее каннибализм широко практиковался, и прежде всего ради получения белковой пищи. Несмотря на то что на этих островах жили более продвинутые общества, в отличие от аборигенов Австралии, эти племена занимались земледелием.

Австралийские антропологи К. и Р. Берндт считали, что каннибализм в Австралии в более общем смысле, без сомнений, практиковался, но его распространенность была «сильно преувеличена» (Berndt R. M., Berndt C. H. 1954). Ритуальный каннибализм практиковался из любви. Как писали исследователи, «они едят плоть своих собственных детей (умерших естественной смертью) из-за любви и привязанности... Кажется очевидным, что цель ритуального каннибализма (при погребении съедались части тела) состояла в том, чтобы усвоить некоторые качества умершего человека. А ребенка дать возможность заново переродиться... Часто аборигены носили с собой части тела трупа, подвешивая к шее иссохшую человеческую руку, и таким образом оказывали дань уважения умершему человеку» (*Ibid.*).

Такая практика, несомненно, обеспечила им незаслуженную репутацию каннибалов. Археолог М. Пикеринг пришел к выводу, что природа каннибализма была сильно преувеличена и искажена. Были зафиксированы случаи каннибализма и убийства на юге Австралии в Виктории, на севере в прибрежных землях Арнем и на северо-востоке в Квинсленде. Матери душили новорожденных, так как возобновленной подачей молока мог воспользоваться не отлученный от груди старший ребенок. По этим же причинам при рож-

дении одного из пары близнецов убивали, так как грудного молока хватало лишь на одного ребенка.

Также убивали уродливого ребенка или сиамских близнецов. Частота убийства новорожденных детей увеличивалась в трудные времена. Если мать умирала при родах или от болезни, и от нее оставался ребенок, то он также погибал. При кочевании на новую стоянку нежелательных детей оставляли в старом лагере. Когда в Сиднее в 1792 г. женщина умерла от чахотки (туберкулеза), ее тело положили в могилу, рядом с ней оставили маленькую дочь, бросив камень на голову ребенка, и быстро засыпали могилу. Такую страшную, трагическую смерть ребенка аборигены считали более гуманной. Из-за отсутствия кормящей матери младенца ожидала голодная смерть: для них почти не существовало альтернативного питания, кроме молока матери, так как не было одомашненных животных, следовательно, и молока животного происхождения. Племена не занимались фермерством, не было керамических сосудов, в которых можно было бы сварить пригодную для младенцев мягкую еду – кашу из диких овощей и фруктов (Campbell 2002; Flood 2007).

По словам археолога М. Пикеринга, который рассмотрел все этнографические упоминания о каннибализме у аборигенов Австралии, было две формы каннибализма: погребальный, при котором поедались части тела умершего из своего окружения, и употребление в пищу плоти убитых врагов.

Аборигены северного Квинсленда, живущие в районе реки Паннфазер (Австралия), весьма своеобразно подходили к захоронению умерших детей. Обычно туземцы отрезали у них подошвы и некоторые особенно мясистые части бедер, которые жарили, тушили, затем резали на маленькие кусочки и откладывали про запас. Иногда матери предоставлялось право полакомиться мясом собственного умершего ребенка. При этом существовало убеждение, что теперь дух ребенка вновь возродится, но уже в теле матери.

Поедание трупов вместо их захоронения было распространенным явлением в некоторых регионах Новой Гвинеи. Старого дедушку, которому явно оставалось жить считанные дни, а то и часы, любящие внучата выводили из дома и привязывали к ветвям дерева. После того как старик умирал, они принимались энергично тря-

сти дерево и делали это до тех пор, пока труп не падал на землю. Члены семьи зажаривали его и съедали.

В племенах жумана и кобена в бассейне Амазонки благоговейно поедались трупы наиболее почитаемых родственников в надежде, что к живым перейдут все их положительные качества. У североамериканских индейцев квакиутль существовал обычай своего рода посвящения молодых во взрослых членов племени. Для этого устраивалось каннибальское пиршество, во время которого лучшие качества умершего должны были перейти его молодым родственникам. Умерших хоронили на деревьях. Предварительно тело мертвеца выдерживали в соленой воде, потом коптили на костре и только после этого подвешивали на ветви дерева. На таком празднике посвящения каждый из молодых родственников (причем строго по старшинству) брал кусочек трупа и угощался (Талалай С., Талалай Я. 1998).

Все же на основании этноисторических свидетельств, передававшихся на протяжении сотен лет, считается, что племена многих островов Карибов, Тихого океана и племена, живущие на материках, но ведущие архаичный образ жизни охотников-собирателей, вероятнее всего, практиковали как эндоканнибализм, то есть ритуальный каннибализм, так и экзоканнибализм, целью которого было получить власть над побежденными врагами. Но не стоит думать, что только примитивные народы использовали ритуальный каннибализм. Даже в развитых европейских странах и на Дальнем Востоке был распространен так называемый медицинский каннибализм.

Медицинский каннибализм

Употребление измельченных человеческих костей или органов для лечения какой-либо болезни подпадают под общую рубрику медицинского каннибализма, который, по сути, можно рассматривать как форму ритуального каннибализма. Многие просвещенные христиане эпохи Возрождения из Испании, Англии, Франции, Германии и других стран обращались к лекарственному каннибализму. Врачами в лечебных целях использовались все мыслимые части тела, включая «человеческую печень... масло, полученное из человеческого мозга, измельченное сердце, камни мочевого пузыря, теплую кровь, грудное молоко и экстракт желчи <...> Также попу-

лярными в лечебных отварах были кости, мясо и жир, последний прикладывался к ранам или принимался внутрь для лечения ревматизма» (Sugg 2011).

Европейцы, от королей до простолюдинов, регулярно, считая, что это делается в лечебных целях, употребляли в том или ином виде человеческую кровь, кости, кожу и другие части тела.

Члены британской королевской семьи применяли, пили или носили отвары, приготовленные из частей человеческого тела, и продолжали делать это вплоть до конца XVIII в. Спрос на части человеческого тела постоянно рос, в результате чего популярность публичных казней в XVII в. также резко возросла. В своей жестокости цивилизованные народы даже превосходили диких индейцев – известно немало случаев, когда отборные куски мяса отрезали от заключенных еще при их жизни. Среди сторонников медицинского каннибализма были такие видные просвещенные люди, как король Франции Франциск I (1494–1547), итальянский анатом Я. Беренгаро да Карпи (1460–1530), поэт и священник Дж. Донн (1572–1631), философ и основоположник эмпиризма и английского материализма Ф. Бэкон (1561–1626), хирург Елизаветы I Дж. Банистер (1533–1610), врач и зять У. Шекспира Дж. Холл (1574–1635) и натурфилософ, химик и изобретатель Р. Бойль (1627–1691).

Человеческие черепа, не растертые в порошок, часто оставляли на воздухе, где они служили субстратом для «черепного мха» – лечебного средства, применяемого при кровотечениях и для лечения заболеваний головы. По утверждению натуралиста и философа Р. Джеймса (1703–1776), Парацельс считал, что мох, выращенный на телах непогребенных умерших, вполне приемлем (Sugg 2011).

Самым известным примером европейского медицинского каннибализма может служить обычай измельчения мумий. Полученный порошок часто использовали как ингредиент различных напитков, его добавляли к мазям, а также к тканевым компрессам. Мумия использовалась при лечении различных заболеваний, начиная от эпилепсии и кровоизлияний и заканчивая кровоизлияниями и расстройством желудка (O’Hearn 2018). Но проблема заключалась в том, что мумии было трудно достать. В Европу их привозили из Египта, но в ограниченном количестве, что приводило к массовому недовольству. Высокий спрос породил кустарную промышленность по изготовлению суррогатных мумий, которая очень ско-

ро стала процветать. Причем заказы на эрзац-мумии делали сами врачи. Немецкий врач О. Кролл (1560–1609) рекомендовал сделать мумию из трупа рыжеволосого мужчины 24 лет, который был повешен. Труп должен был лежать в холодной воде в течение 24 часов, после чего плоть разрезали, вытаскивали внутренности, посыпали благовониями мирры и алоэ. После этого его замачивали в спирте, вине или скипидаре и, выдержав так в течение 24 часов, подвешивали на 12 часов, снова замачивали в спиртовой смеси на 24 часа и, наконец, подвешивали для просушки.

Не исключено, что измельчение мумий в медицинских целях началось из-за неправильного перевода древних текстов. Арабы часто использовали для заживления ран вещество, полученное на основе нефти. Мы называем его битумом. На арабском оно называется «мумие». Этот продукт природно-биологического происхождения использовался как лекарственное средство не только у арабов, но также в Древней Индии и Древней Греции. Обнаружив мумифицированные человеческие останки в Египте, который они захватили в VI в. н. э., арабы ошибочно пришли к выводу, что при изготовлении мумий в процессе консервации применялся битум. Столетия спустя европейцы узнали о лечебных свойствах мумие. К несчастью, переводчиков древних текстов смутило созвучие слов *мумие* и *мумия*. В результате европейцы запаслись мумиями – бальзамированными мертвецами, а не мумие – смолистым веществом (O’Hearn 2018; Parra 2019).

Такой самообман растянулся на сотни лет, лекарственный каннибализм был широко распространен в западной культуре. Однако в период эпохи Просвещения он резко исчезает, и даже в исторических записях о нем не найти упоминания.

Но у китайцев, чья литература, медицинские тексты и исторические отчеты охватывают более 2 тыс. лет, содержатся подробные инструкции, как готовить и использовать части человеческого тела в качестве лечебных средств. Первое документальное подтверждение использования человеческих органов и плоти в лечебных целях относится к периоду династии Хань (25–220 гг. н. э.), а лекарственный каннибализм становился все более популярным начиная с династии Тан (618–907 гг. н. э.). К концу правления династии Цин (1644–1912) западные врачи-миссионеры, ознакомившись с опытом своих китайских коллег, писали, что китайское ле-

чение включает в себя потребление «желчного пузыря, костей, волос, пальцев ног и ногтей, сердца и печени» (Chong 1990).

Т. Чен, профессор патологии в Медицинской школе Нью-Джерси, говорит, что «ногти, волосы, кожа, молоко, моча, осадки мочи, желчь, плацента и даже плоть» были популярны в Китае как лечебные средства на протяжении всей его истории [Schutt 2017].

Жертвоприношение

Но чем выше по своему развитию находилось общество, тем сильнее менялось его отношение к каннибализму. Если у первобытных племен, у охотников-собирателей каннибализм был безыскусный – пленников просто съедали, то скотоводы, а также племена, ведущие оседлый образ жизни, пленников перед этим часто приносили в жертву. Делалось это в храмах и во время ритуальных церемоний, и поэтому считалось, что участники обряда не просто поедают труп врага, а становятся участниками жертвоприношения. Этот момент был важной составной частью священных празднеств многих местных традиционных культур до возникновения государств в Месопотамии, Египте, Индии, Китае и Европе. Отголоски его дошли почти до наших дней. Всего 100 или даже 50 лет назад в сотнях туземных общин на территории Африки к югу от Сахары, в Юго-Восточной Азии, Малайзии, Индонезии и Океании действовал обычай принесения в жертву пленников и распределения между присутствующими на ритуале кусочков их мертвых тел.

У ацтеков человеческое жертвоприношение существовало и широко применялось как религиозный культ; по уровню культурного развития они находились в позднем мезолите, в медно-каменном веке. Схожую картину мы наблюдаем в Старом Свете, где в период мезолита и энеолита, во времена воздвижения курганов, были распространены жертвоприношения. Правда, существовало строгое табу на употребление в пищу человеческой плоти. Практика человеческих жертвоприношений в Старом Свете очень редко сопровождалась поеданием человеческой плоти. Сообщения о случаях каннибализма в Египте, Индии, Китае обычно появлялись в периоды голода, и все они являлись актом отчаяния перед реальной угрозой смерти.

Табличка из Лагаша, составленная около 2500 г. до н. э., сообщает нам, что тысячи вражеских трупов обычно складывались в боль-

шие пирамиды. Захваченные в плен воины часто становились объектом жертвоприношений и в Древнем Китае. Массовые убийства пленных происходили здесь на похоронах вождей и императоров, часто в число жертв попадали также их жены, слуги и телохранители. Скифы, например, хороня царя, убивали всех царских поваров, конюхов и слуг. Умерщвляли и прекрасных холеных лошадей (нередко вместе с юными наездниками), чтобы вельможные усопшие могли кататься в потустороннем мире. Следы принесения в жертву царских слуг удалось обнаружить в древних египетских гробницах в Абидосе, а также в погребениях шумерских царей в Уре.

В Китае в конце 2-го тыс. до н. э., по всей видимости, было совершено множество таких человеческих жертвоприношений. Тысячи людей гибли на каждых похоронах императора только для того, чтобы в ином мире он не испытывал нехватки в слугах и почитателях. Этот кровавый ритуал, так же как и принесение в жертву пленников, исчерпал себя во время правления в стране династии Чу (1023–257 гг. до н. э.). При династии Цинь живых людей и животных во время жертвоприношений заменили глиняные изваяния. Когда в 210 г. до н. э. скончался первый император объединенного Китая Цинь Шихуанди, по случаю этого печального события было изготовлено 6 тыс. керамических статуй в натуральную величину – они изображали его пехотинцев и кавалеристов на конях (Каневский 2014).

Вполне возможно, наши далекие предки *Homo antecessor* и *Homo heidelbergensis* употребляли в пищу своих сородичей чисто в практических целях, в качестве дополнительного источника питания. Но, как мы видим, по мере того как культура эволюционировала, отношение к человеческому телу, пусть даже мертвому, становилось более уважительным. В самых архаичных племенах бывали случаи, когда труп родственника или врага съедали, придавая каннибализму религиозно-ритуальный оттенок. Со временем, в неолите и бронзовом веке, во многих регионах уже существовал ритуал принесения в жертву людей, но съедали их довольно редко. Во времена Троянской войны сами греки не сторонились убийства небольшого числа пленников, чтобы тем самым умиловать богов. Согласно Гомеру, например, ее легендарный герой Ахилл бросил на погребальный костер своего погибшего соратника Патрокла 12 захваченных в плен троянцев, чтобы боги, получив такую жерт-

ву, были добры к его другу. Человеческие жертвоприношения играли важную роль и в религии кельтов. У них эта процедура осуществлялась под присмотром особой касты жрецов, получившей название друидов. Геродот сообщает также об «охотниках за черепами» – скифах, живших в низовьях Дуная и на берегах Черного моря. Они, как правило, приносили в жертву каждого сотого пленника из захваченных на поле брани. Видимо, традиция «охоты за черепами», дожившая до начала железного века, имеет более древние истоки. Ведь даже совсем недавно, до прибытия европейцев, в архаичных первобытных племенах Полинезии, Меланезии, Новой Гвинеи, некоторых племенах Африки и у индейцев Америки существовала практика «охоты за человеческими головами».

Вполне вероятно, что там, где популяция не испытывала на себе давления эпидемий или же эпидемии происходили очень давно, в генетической памяти человечества стиралось представление о повальной смертности, культура погребения и отношение к останкам формировались иначе и возникали различные традиции так называемого эндоканнибализма, другие случаи ритуального каннибализма и жертвоприношения.

Опасен ли был каннибализм для тех, кто практиковал его? Безусловно, поскольку он способствовал передаче трофических заболеваний внутри популяции.

Наиболее существенным из них является повышенная вероятность приобретения вредных паразитов или болезней, относящихся к одному и тому же биологическому виду. Как паразиты, так и патогены часто являются видоспецифичными, и во многих из них уже развились механизмы поражения иммунной защиты хозяина. В результате хищники, потребляющие себе подобных, подвергаются большему риску подхватить болезнь или паразита, чем хищники, питающиеся исключительно другими видами. Наиболее известный пример передачи болезней, связанных с каннибализмом, дает первобытный народ Новой Гвинеи. Он был доведен до почти полного вымирания в результате ритуального потребления мозга и других тканей, вырезанных из тел умерших родственников. Тем самым живые заражались от мертвецов неизлечимой и очень распространенной неврологической болезнью куру. Слово *куру* на языке племени *форе* означает «дрожь» и «порча». Члены племени *форе* были убеждены, что болезнь эта – результат сглаза чужим шаманом.

На самом деле при этой болезни мозг дегенерирует, и те, кто съедает зараженный орган, в свою очередь заражаются сами. Четкая связь между каннибализмом и куру впервые была открыта еще в 1950-х гг. (Arens 1998; Arens, Sahlins 1979). Плачевным результатом ритуального каннибализма стала эпидемия, в результате которой с 1957 по 1960 г. погибло около 1000 человек. Исследования показывают, что риск встретить инфицированную жертву выше там, где более высок уровень каннибализма.

Существует множество других болезней, передающихся через поедание трупов. Это бычья губчатая энцефалопатия, или коровье бешенство, – еще одно заболевание, которое обычно вызывается скармливанием зараженной бычьей ткани другому крупному рогатому скоту. Оно может распространиться и на людей, если человек будет потреблять зараженную говядину. Распространение паразитов, таких как нематоды, также может происходить через каннибализм, поскольку их яйца легко переносятся от одного хозяина к другому. Другие формы заболеваний включают саркоистоз и иридовирус у рептилий и амфибий; вирус гранулеза, болезнь Шагаса и микроспоридии у насекомых; болезнь пятнистых креветок, синдром белого пятна, гельминтов и ленточных червей у ракообразных и рыб (Collinge *et al.* 2008).

По причине страха заразиться от трупа происходили изменения в отношении к трупу и человеческому телу. Во многих обществах люди категорически отказывались употреблять в пищу своих родственников. Появилось определенное и совершенно новое отношение к умершим у *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*. В какой-то момент *Homo sapiens* даже полностью отказались от каннибализма, накладывая табу на потребление человеческой плоти, а трупы начали подвергаться обычному погребению.

Литература

- Каневский, Л. 2014. *История каннибализма и человеческих жертвоприношений*. М.: Алгоритм.
- Талалай, С., Талалай, Я. 1998. *Самые невероятные в мире – секс, ритуалы, обычаи*. М.: Крон-Пресс.
- Aisenberg, A., Costa, F., Gonzalez, M. 2011. Male Sexual Cannibalism in a Sand-Dwelling Wolf Spider with Sex Role Reversal. *Biological Journal of the Linnean Society* 103(1): 68–75.

- Arens, W.** 1998. Rethinking Anthropophagy. In Barker, F., Hulme, P., Iverson, M. (eds.), *Cannibalism and the Colonial World*. New York: Cambridge University Press. Pp. 39–63.
- Arens, W., Sahlins, M.** 1979. Cannibalism: An Exchange. *New York Review of Books* 26(4): 46–47.
- Baur, B.** 1987. Effects of Early Feeding Experience and Age on the Cannibalistic Propensity of the Land Snail *Arianta arbustorum*. *Canadian Journal of Zoology* 65: 3068–3070.
- Berndt, R. M., Berndt, C. H.** 1954. *Arnhem Land: Its History and Its People*. Melbourne: F. W. Cheshire.
- Bertram, B.** 1975. Social Factors Influencing Reproduction in Wild Lions. *Journal of Zoology* 177: 463–482.
- Campbell, J.** 2002. *Invisible Invaders Smallpox and other Diseases in Aboriginal Australia 1780–1880*. Melbourne: Melbourne University Publishing.
- Carr, W. J., Hirsch, J. T., Campellone, B. L., Marasco, E.** 1979. Some Determinants of a Natural Food Aversion in Norway Rats. *Journal of Comparative and Physiological Psychology* 93(5): 899–906.
- Carvajal, J. de.** 1892. Relación del descubrimiento del río Apure hasta su ingreso en el Orinoco. URL: <https://bibliotecadigital.jcyl.es/es/consulta/registro.do?id=1353>.
- Chagnon, N. A.** 1992. *Yanomamo: The Fierce People (Case Studies in Cultural Anthropology)*. New York: Harcourt Brace College Publishers.
- Chong, R.** 1990. *Cannibalism in China*. Wakefield: Longwood Academic. DOI: 10.1017/S0305741000004379.
- Collinge, J., Whitfield, J., McKintosh, E., Frosh, A., Mead, S., Hill, A. F., Brandner, S., Thomas, D., Alpers, M. P.** 2008. A Clinical Study of Kuru Patients with Long Incubation Periods at the End of the Epidemic in Papua New Guinea. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences* 363(1510): 3725–3739.
- Conklin, B.** 2001. *Consuming Grief Compassionate Cannibalism in an Amazonian Society*. Austin, TX: University of Texas Press.
- Delany, M., Woodward, A., Kiltie, R., Moore, C.** 2011. Mortality of American Alligators attributed to Cannibalism. *Herpetologica* 67(2): 174–185.
- Elgar, M. A.** 1992. Sexual Cannibalism in Spiders and Other Invertebrates. In Elgar, M., Crespi, B. (eds.), *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press. Pp. 129–143.
- Elgar, M. A., Crespi, B. J. (eds.)** 1992. *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press.

Elgar, M. A., Nash, D. R. 1988. Sexual Cannibalism in the Garden Spider, *Araneus diadematus*. *Animal Behavior* 36: 1511–1571.

Elwood, R. 1992. Pup-Cannibalism in Rodents: Causes and Consequences. In Elgar, M., Crespi, B. (eds.), *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press. Pp. 299–322.

Fernandez-Jalvo, Y., Diez, J., Caceres, I., Rosell, J. 1999. Human cannibalism in the early Pleistocene of Europe (Gran Dolina, Sierra de Atapuerca, Burgos, Spain). *Journal of Human Evolution* 37: 591–622.

FitzGerald, G. J., Whoriskey, F. G. 1992. Empirical Studies of Cannibalism in Fish. In Elgar, M., Crespi, B. (eds.), *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press.

Flood, J. 2007. *The Original Australians: Story of the Aboriginal People*. Crows Nest, NSW: Allen & Unwin.

Forster, L. M. 1992. The Stereotypical Behavior of Sexual Cannibalism in *Latrodectus Hasselti* (Araneae: Theridiidae), the Australian Redback Spider. *Australian Journal of Zoology* 40: 1–11.

Fox, L. R. 1975. Cannibalism in Natural Populations. *Annual Review of Ecology and Systematics* 6: 87–106.

Gilmore, R. G., Dodrill, J. W., Linley, P. A. 1983. Reproduction and Embryonic Development of the Sand Tiger Shark. *Odontaspis taurus* (Rafinesque). *Fishery Bulletin* 8(2): 201–225.

Grigoras, O. 2011. Polar Bear Cannibalism Linked to Climate Change. *Softpedia* December 9. URL: <https://news.softpedia.com/news/Polar-Bear-Cannibalism-Linked-to-Climate-Change-239585.shtml>.

Harkness, J. E., Wagner, J. E. 1995. *The Biology and Medicine of Rabbits and Rodents*. Philadelphia: Lea and Febiger.

Hart, B. L., Hart, L. A. 1985. *Canine and Feline Behavioral Therapy*. Philadelphia: Lea and Febiger.

Hearn, C. 2003. *Sorties into Hell: The Hidden War on Chichi Jima*. Santa Barbara, CA: Greenwood Publishing Group.

Ho, F. K., Dawson, P. S. 1966. Egg Cannibalism by *Tribolium* larvae. *Ecology* 47: 318–322.

Kim, K. W., Roland, C. 2000. Trophic Egg Laying in the Spider, *Amaurobius ferox*: Mother-Offspring Interactions and Functional Value. *Behavioral Processes* 50(1): 31–42.

Laurence, Ch. 2003. George Bush's comrades eaten by their Japanese POW guards. *Telegraph* October 26. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/>

worldnews/asia/japan/1445167/George-Bushs-comrades-eaten-by-their-Japanese-PoW-guards.html.

Liske, E., Davis, W. J. 1987. Courtship and Mating Behavior of the Chinese Praying Mantis, *Tenodera sinensis*. *Animal Behavior* 35: 1524–1537.

Marlar, R. A., Leonard, B. L., Billman, B. R., Lambert, P. M., Marlar, J. E. 2000. Biochemical Evidence of Cannibalism at a Prehistoric Puebloan Site in Southwestern Colorado. *Nature* 401: 74–78.

Mock, D. W. 1984. Infanticide, Siblicide, and Avian Nestling Mortality. In Hausfater, G., Hrdy, S. B. (eds.), *Infanticide*. Hawthorne, NY: Aldine Publishing. Pp. 3–30.

O’Hearn, M. 2018. The Strange Fates of Pillaged Mummies. *JSTOR* October 17. URL: <https://about.jstor.org/blog/the-strange-fates-of-pillaged-mummies/>.

Packer, C., Pusey, A. E. 1984. Infanticide in Carnivores. In Hausfater, G., Hrdy, S. B. (eds.), *Infanticide Comparative and Evolutionary Perspectives*. New York: Aldine. Pp. 31–42.

Parra, J. M. 2019. Europe’s Morbid “Mummy Craze” has been an Obsession for Centuries. *National Geographic* December 12. URL: <https://web.archive.org/web/20221015025950/https://www.nationalgeographic.co.uk/history-and-civilisation/2019/12/europes-morbid-mummy-craze-has-been-an-obsession-for-centuries>.

Parsons, J. 1971. Cannibalism in Herring Gulls. *British Birds* 64: 528–537.

Pfennig, D. W.

1990. The Adaptive Significance of an Environmentally-Cued Developmental Switch in an Anuran Tadpole. *Oecologia* 85: 101–107.

1992. Proximate and Functional Causes of Polyphenism in an Anuran Tadpole. *Functional Ecology* 6: 167–174.

Pfennig, D. W., Sherman, P. W., Collins, J. P. 1994. Kin Recognition and Cannibalism in Polyphenic Salamanders. *Behavioral Ecology* 5: 225–232.

Polis, G. A. 1981. The Evolution and Dynamics of Intraspecific Predation. *Annual Review of Ecology and Systematics* 12: 225–251.

Polis, G. A., Myers, C. A. 1985. A Survey of Intraspecific Predation among Reptiles and Amphibians. *Journal of Herpetology* 19(1): 99–107.

Schutt, B. B. 2017. *Cannibalism: A Perfectly Natural History*. Chapel Hill, NC: Algonquin Books of Chapel Hill.

Stanback, M. T., Koenig, W. D. 1992. Pup Cannibalism in Rodents. In Elgar, M., Crespi, B. (eds.), *Cannibalism: Ecology and Evolution among Diverse Taxa*. New York: Oxford University Press. Pp. 285–286.

Sugg, R. 2011. *Mummies, Cannibals and Vampires: the History of Corpse Medicine from the Renaissance to the Victorians*. New York: Routledge.

Trudelle-Schwarz, R. 2016. Cannibalism: Chicken Little Meets Hannibal Lector? *Behave: Stories of Applied Animal Behavior* September 12. URL: https://www.webpages.uidaho.edu/range556/Appl_BEHAVE/projects/Chicken_Cannibalism.html.

Walton, M. 2008. Polar Bears Resort to Cannibalism as Arctic Ice Shrinks. *CNN Tech* September 23. URL: <https://edition.cnn.com/2008/BUSINESS/09/23/arctic.ice/>.